

АНГИЙСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

Джеймс Холлис

Призраки вокруг нас

*В поисках
избавления*

Последняя книга от автора мировых бестселлеров
«Перевал в середине пути», «Под тенью Сатурна» и других

Джеймс Холлис
Призраки вокруг нас.
В поисках избавления
Серия «Юнгианская психология»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12051445

*Д. Холлис. Призраки вокруг нас: В поисках избавления: Когито-Центр;
Москва; 2015*

ISBN 978-1-888602-62-3, 978-5-89353-443-6

Аннотация

В книге «Призраки вокруг нас» Джеймс Холлис повествует о том, что люди откликаются на проявления таких невидимых форм, как тени родителей и дальних предков, внутренние голоса, фантазии, импульсы, нерассказанные истории, комплексы, синхронии и таинства, которые перемещаются сквозь нас и сквозь время. Он показывает путь к их психологическому осмыслению, изучая влияние прошлого на нашу теперешнюю сознательную жизнь, и подчеркивает необходимость погрузиться в этот загадочный мир. Такое погружение может сделать нашу жизнь более углубленной, более осмысленной, более интересной.

Содержание

Предисловие. Призрачные явления	5
Глава 1. Навязчивость нерассказанных историй	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джеймс Холлис

Призраки вокруг нас: В поисках избавления

James Hollis

Hautings. Dispelling the Ghosts Who Run Our Lives

© Chiron Publications 2013

Russian translation rights arranged with Chiron Publications
LLC Asheville, NC

© Когито-Центр, 2015

* * *

*Я посвящаю эту книгу Джилл Тэйрин, Джоне,
Сие и Тимоти, который всегда со мной*

*Особая благодарность Лизе Харрисон,
помощнице и другу, и Шивон Драммонд, от чьих
внимательных глаз не скрылась ни одна ошибка*

Предисловие. Призрачные явления

В этой книге речь не пойдет о привидениях и призраках в традиционном смысле слова. На ее страницах Эбenezер Скрудж не встретится с призраком Марли. Но ведь все мы таскаем за собой эти гремучие металлические цепи. Вы не слышите? Не чувствуете их, перелистывая свежую газету? Генрик Ибсен слышал и видел их, причем задолго до появления глубинной психологии в том виде, в каком она существует сегодня. Благодаря своей глубочайшей интуиции он понимал, как груз недопережитого и непроработанного прошлого давит на настоящее. Свою пьесу 1882 года он так и назвал — «Привидения». Он чувствовал, как на его современников, жителей Осло, влияет чье-то незримое присутствие: давно умершие предки, отжившие ценности, мертвые буквы писаний. И поэтому в уста одного из героев Ибсен вкладывает такие слова:

...мне почудилось, что предо мной выходцы с того света. Но я готова думать, что и все мы такие выходцы... В нас сказывается не только то, что перешло к нам по наследству от отца с матерью, но дают себя знать и всякие старые отжившие понятия, верования и тому подобное. Все это уже не живет в нас, но все-таки сидит еще так крепко, что от него не отделаться. Стоит мне взять в руки газету, и я уже вижу, как шмыгают

между строками эти могильные выходцы. Да, верно, вся страна кишит такими привидениями; должно быть, они неисчислимы, как песок морской. А мы жалкие трусы, так боимся света!¹

Джеймс Джойс, проведший свою блестящую, отчаянную, беглую жизнь в изгнании, во всех своих книгах всегда изображал любимую/ненавистную Эйре (Ирландию). Интересно, что в рассказе «Мертвые» он приходит к тому же заключению, что и Ибсен. Джойс знал, что однажды ему придется оставить свою родину, свою церковь, свою семью. Все, что он так любил, было в рабстве у прошлого – иноземное владычество, деспотичная церковь, бремя традиций, повседневный быт и социальные ожидания – родина не принимала его, не любила в ответ, ибо таков удел исключительных душ. Поэтому, глядя на суету и суматоху Дублина, он видел не жизнь, а смерть и души своих соотечественников, каждый день севшие под ношей коллективного бремени. «Один за другим все они станут теньями. Лучше смело перейти в иной мир на гребне какой-нибудь страсти, чем увядать и жалко тускнеть с годами»². И он, как в омут, бросился в бедность и изгнание, поддерживаемый лишь несчастной Норой и своим одержимым мифо-поэтическим гением.

В то же самое время его соотечественник У. Б. Йейтс в

---

¹ *Ибсен Г.* Привидения. Пер. А. и П. Ганзен // *Ибсен Г. Собр. соч.* В 4 т. Т. 3: Пьесы 1873–1890. М.: Искусство, 1957.

² *Джойс Дж.* Дублинцы. М.: Азбука-Классика, 2008. С. 285.

своей одержимой погоне за призраками становится членом несколько тайных обществ, в том числе Герметического Ордена Золотой Зари. Его жена, которую он повстречал в одном из таких обществ, якобы была каналом передачи голосов из мира духов. Эти голоса приносили Йейтсу «поэтические метафоры»³. Во многих из его двадцати шести пьес, включая последнюю («Чистилище» 1938 года), описаны связи иного мира с миром нашей повседневной реальности. В эту же эпоху – переходный период между исчезновением библейского буквализма и появлением неадекватных суррогатов современной культуры – Карл Юнг узнает, что его мать является медиумом. Он несколько раз посещал спиритические сеансы, а позже написал научную работу о «голосах», вещавших на одном из таких сеансов через его кузину Хелену Прай-сверк. Но ответы «духов» его не удовлетворяли, он искал (и, как мне кажется, нашел) психологические объяснения. Исключив обман и жульничество, отказавшись от буквального понимания, он открыл новый путь изучения этих вездесущих призрачных явлений.

В эвристических работах Юнга, его исследованиях человеческой психики нет места страху, суевериям и проекциям. Изучая тайны нашего мира, он приходит к выводу, что все психические феномены существуют не вовне, а *внутри* нас. Неважно, с чем мы сталкиваемся во внешнем мире и какова его автономная материальная оболочка, потому что пере-

---

³ Yeats W. B. Introduction to “A Vision”. New York: McMillan, 1938. P. 8.

живаем, перерабатываем и оцениваем мы все посредством индивидуальной и коллективной психологии. Так есть, и так всегда было, хотя мир и знал времена, когда за подобные взгляды сжигали на кострах.

Перед нами стоит задача понять как можно более полно, каким образом нашей жизнью управляют эти невидимые силы, как они существуют в нас и в истории, объяснить их психологически, не сводя к банальному понятию психического состояния (психологическая редукция). На протяжении почти всей истории люди верили в привидений и подобных им сущностей: можно вспомнить и духов, посещающих поэтов и безумцев, и ангелов, являющихся глашатаями иного мира, не говоря уже об инкубах и суккубах, и т. п. Наши предки были уверены, что граница между видимым и невидимым мирами очень хрупка, текуча и проницаема. Вот как Юнг описывает это явление:

...у первобытного человека *imago*, психическое отображение чувственных ощущений, так сильно окрашено чувственным элементом, так ярко, что, возникая ре-продуктивно, то есть в виде произвольных образов воспоминаний, оно иногда принимает даже свойство галлюцинаций. Поэтому первобытный человек, вспоминая, например, свою умершую мать, произвольно воспроизводит ее образ в своей душе так ярко, что как бы видит и слышит ее дух. Мы лишь «думаем» о наших умерших, а первобытный человек воспринимает их конкретно,

и это вследствие крайне чувственного свойства его духовных образов. Это и послужило источником первобытного верования в духов. Духи не что иное, как то, что мы попросту называем мыслями. «Мысли» первобытного человека, собственно говоря, претворяются в видения, реальность которых так велика, что он постоянно смешивает психическую реальность с внешней действительностью⁴.

Жизнь полна тайн, и нам никогда не постигнуть всех ее неизъяснимых измерений. Однако их «психологическое» толкование и понимание чреваты двумя дарами:

личной свободой, которая возникает из понимания природы и источника всего того, что влияет на нашу повседневную жизнь и что может быть нами сознательно использовано или при необходимости приостановлено;

пониманием того, что все чары, держащие наше Эго в рабстве слепого буквализма, насылаются на нас приобретенной, унаследованной, культурно опосредованной энергетической системой, а не «богами» и цельным намерением нашей души.

Но перед тем, как начать эту книгу, я бы хотел кое в чем признаться: работа над ней была спровоцирована призрачными навязчивостями, беспокоившими меня и заставившими к ним прислушаться. В конце концов мне пришлось спро-

---

⁴ Jung, C. G.. Psychological Types, vol.. 6 // The Collected Works of C. G. Jung. Princeton, NJ Princeton University Press, 1971. Par.46. – Рус. пер.: Юнг К. Г. Психологические типы. М.: АСТ: 1997. С. 60.

силь: почему вы пришли? что вам от меня надо? Перед нами всегда стоят эти тревожные вопросы, и, решив убежать от ответов на них, мы лишь провоцируем компенсаторные симптомы и дальнейшие навязчивости.

* * *

Однажды утром я проснулся с интересным сновидением. Его содержание казалось странным, озадачивающим, в чем-то даже забавным, но от этого не менее категоричным. Мне снилось, что я нахожусь у себя дома с женой и дочерью (и сам дом, и все вокруг было каким-то аморфным, безликим). Мне сообщили, что в соседней комнате лежит генерал Грант, да-да, тот самый Улисс С. Грант, предводитель армии Севера и будущий восемнадцатый президент США. На меня была возложена странная обязанность: охранять и блюсти его труп, пока представители некоей власти не приедут и не заберут его. В соответствии со странной логикой жизни во сне задание меня не удивляло, я взялся за него без лишних вопросов.

Время от времени я заходил в комнату и смотрел на нечто, накрытое простыней. После пары таких визитов я заметил, что простыня немного сползла, открыв часть тела. Я спросил ту, что была рядом, не она ли трогала простыню, но – нет. Я снова зашел в комнату и увидел, что простыня сползла еще больше, и теперь верхняя часть торса покойного гене-

рала была раскрыта. Понимая, что это ненормально, я стал искать кого-нибудь, кто мог трогать простыню, но никого не нашел. Затем я попытался ощутить сильные потоки ветра, которые могли ее сдвинуть, но все впустую. В следующий раз, когда я заглянул, тело немного изменило позу, а на лице было раздраженное выражение.

С опасением я нагнулся к лицу генерала и шепнул: «Вы чем-то недовольны?». Он едва заметно пошевелился и глухо промычал нечто похожее на «да».

Я тут же выскочил из комнаты и сообщил той, что находилась там со мной: «Он жив, не знаю, как это возможно, но... он жив». Она советует мне сказать одному из представителей власти о том, что он еще жив. По неизвестным мне же самому причинам я звоню в аптечный пункт и говорю: «Генерал Грант еще жив, а мне, кстати, понадобятся ручки». Аптекарь переключает меня на отдел ручек, а я с ужасом понимаю, что новость о генерале Гранте была либо не понята, либо проигнорирована. В этот самый момент раздается звон будильника, призывающий меня к бодрствующей жизни. Я был очень разочарован тем, что никогда не увижу продолжения этого сна. Казалось, как это всегда бывает со снами, что он длился несколько часов, а не минут. Более того, узнать окончание сна я хотел гораздо больше, чем вступать в очередной день рутинных обязанностей. В очередной раз я почувствовал, как удивительный мир снов проник в привычный мир явлений, кажимостей и обязанностей.

Утром, принимая душ, я раздумывал над своим сном, с улыбкой вспоминая его причудливую образность. Затем в голову пришло одно из моих любимых высказываний, и я вдруг понял, почему внутриспсихические силы вызвали во мне именно такой сон. Высказывание, о котором я упомянул, принадлежит Уильяму Фолкнеру и звучит следующим образом: «Прошлое не умерло. Прошлое – это даже не совсем прошлое». И я понял смысл сновидения в контексте своей нынешней жизни.

Я уже начинаю стареть, и в том, что касается моей профессиональной деятельности, мне уже хочется немного притормозить. Я стер все шины или, как говорят в Западном Техасе, «ехал долго и дюже взмок». Недавно вышла моя тринадцатая книга, и я пообещал себе, что она будет последней! Я уже сказал, все, что хотел, – последние две главы были про загадку смерти и о том, что смысл жизни в самом путешествии, а не пункте назначения. О чем еще можно написать после этого? И, если уж быть совсем откровенным, я устал говорить. В то же самое время, как и со всеми предыдущими книгами, я чувствовал легкие импульсы из бессознательного: вспышки образов, полуоформленные мысли, сочетание чувства необходимости выполнения некоей задачи и собственной ответной реакции. Как и для многих других людей, процесс написания для меня всегда был одновременно и радостью, и мучительным трудом. Чем-то таинственным, тягостным, категоричным, требующим большого напряжения,

дарующим радость лишь после окончательного завершения труда... Я очень устал от этого. Как заметил однажды Томас Манн, «писательство с наибольшим трудом дается именно писателям». Я же хотел нормальной жизни. Почему нельзя прийти домой и просто поговорить с женой или посмотреть футбольный матч, или прочитав книгу, над которой корпел кто-то другой?

Однако была одна тема, с которой я то и дело сталкивался и в личной жизни, и в психотерапевтической практике, и в привычном ходе спектакля истории – я имею в виду *непоколебимое постоянство прошлого*. Мы считаем себя сознательными людьми, добившимися всего самостоятельно, благонамеренными, способными принимать решения, и все это ставится под вопрос только в особых обстоятельствах. В определенные болезненные моменты мы даже спрашиваем себя: что вообще происходит? кто хозяин моей жизни? На коллективном уровне мы пребываем внутри культуры, обесценивающей прошлое, и поэтому на индивидуальном уровне мы убеждаем себя, что каждый день создаем себя заново. Но я, как постоянно общающийся с пациентами психотерапевт, как человек, час за часом работающий с этим осязаемым миром, неизбежно понимаю, что все мы плаваем в темном море безвременья. Во время терапии или анализа мы не пытаемся вернуться в прошлое, но мы видим, насколько настоящее определяется прошлым, его запретами, директивами и императивами. Нам остается либо пережить его вновь, ли-

бо проигнорировать его зов, либо включить его в бессознательный «план лечения». В любом случае прошлое берет на себя командование, во всяком случае, до момента полного его осознания. Но кто действительно хочет проживать жизнь своих родителей или постоянно убегать от нее вместо того, чтобы жить собственной жизнью? Кто способен поверить в то, что мы сваливаем дурную карму на последующие поколения?

Личный опыт, клиническая практика и годы обучения заставили меня понять, что за всей нашей жизнью стоит не только Эго, но и куда более глубокие и всеобъемлющие силы. (Что, в конце концов, могло породить мой странный сон? Сознание и воображение просто не способны на это.) Наши Эго – едва заметные пятна на поверхности необъятного моря, наши личные биографии теряются среди обломков, оставшихся после крушений кораблей истории. Ощущая собственную хрупкость посреди этого *mare nostrum*⁵, Эго пытается раздуть собственную важность и убеждает себя: *Я знаю, кто я есть; я здесь главный; я знаю, что я знаю, и моих знаний достаточно для того, чтобы принимать решения*. Зачастую после такого рода инфляции приходит время трезвого переосмысления, и мы спрашиваем сами себя: о чем я только думал? Или просто понимаем, что, помимо нашей воли, на то или иное событие влияет множество других

---

⁵ «Наше море» (лат.) – так древние римляне называли Средиземное море. – Прим. пер.

факторов. Эти минуты прозрения требуют смирения и даже самоуничтожения, но они дарят нам уверенность в существовании чего-то невидимого, стоящего за границами видимого мира.

Вернемся к странному сну о мертвом генерале, который, как оказалось, вовсе и *не* умер. На днях я прочитал новую биографию Линкольна⁶, недаром же мы недавно отмечали его двухсотлетие и недаром же я вырос в Спрингфилде, штат Иллинойс (в связи с чем образ Линкольна неизбежно стал важной частью причудливого гобелена моей психики). Грант, тоже уроженец Иллинойса, был мне не столь близок, хотя, так же как и великий дровосек⁷, он смог многого добиться, несмотря на многочисленные неудачи в начале своего пути. Меня также поразило, что Грант после тяжелого президентства на фоне экономической разрухи (чем-то напоминающей нынешнюю ситуацию), умирая от рака, героически писал автобиографию, чтобы спасти свою семью от бедности (тогда еще не было ток-шоу и других мероприятий для политиков и знаменитостей, позволяющих им получать большие деньги за пустую болтовню). Перед лицом боли, отчаяния, неминуемой смерти он заставил себя взяться за перо. Генерал Грант закончил книгу, которая в итоге спасла

---

⁶ *Burlingame Michael*. The Inner World of Abraham Lincoln. Champaign: University of Illinois Press, 1997.

⁷ Дровосек (rail-splitter) – популярное в США прозвище А. Линкольна. – Прим. пер.

его семью от нищеты, за несколько дней до смерти.

Имел ли этот образ какой-то смысл для меня? Возможно генерал «злился» потому, что его считали мертвым, тогда как он был еще жив? Может быть, против собственной воли на меня была возложена ответственность за прошлое, мне было запрещено сидеть у ног мертвеца, и какие-то «власти» намеренно отправляли меня в отдел ручек? При чем здесь вообще какие бы то ни было *ручки*? Возможно, моя автономная психика запрещала мне бросать свое призвание, несмотря на мольбы Эго сделать передышку? В одной из своих работ Юнг отмечал, что призывы встать на свой путь и обрести свое призвание (*vocatus*) порой не совпадают с сознательными желаниями. Может быть, Самость, высшая мудрость и целенаправленный поток энергии внутри каждого человека, не обращая внимания на мое мелочное желание отдохнуть, приготовила для меня еще одно задание? В нашу переменчивую и жизнелюбивую эпоху подобные мысли могут показаться странными... или убедительными.

Для тех, кто не так хорошо знаком с исследованиями психики, сон о генерале Гранте выглядит как чудная фантазия, одна из тех, что мы считаем нелепыми играми воображения, продуктом переработки или переигрывания просмотренных на сон грядущий вечерних новостей. И я раньше так думал. В конце концов что может быть невероятнее некоей мысли, приходящий как незванный гость в виде генерала Гранта? Но я уже не один десяток лет изучаю незримый мир, суще-

ствующий за видимой поверхностью, и сейчас знаю об этом больше. Мои знания не позволяют не обращать внимания на сон, каким бы забавным и неясным он ни казался на первый взгляд. Мои знания заставляют думать об этом сне, анализировать его на протяжении всего долгого рабочего дня, во время встреч с другими людьми, медленно, но верно прозревать его смысл: мертвые не мертвы. Парни из штата Иллинойс всегда пробивались через усталость и проигранные битвы вперед к своей судьбе. Она командует, подняв в воздух саблю (или ручку), налагает на нас священную обязанность и заставляет забыть наше мелочное желание вести нормальную жизнь.

А жизнь призывает нас встретиться лицом к лицу с тайной. *И не мы хотим этого, сама жизнь хочет этого от нас.* Тот, кто в это поверил, начинает осознавать и другую тайну, понимать, что мы – не просто материальные тела, которым суждено немного попеть и поплясать, а потом бесследно сгнить. Действительно, поняв жизнь, мы увидим, что никакой тайны и не было, а все наши предыдущие убеждения окажутся лишь искусственными инструментами сознания. Есть совсем другие силы, о существовании которых сознание почти не догадывается. Хотя предки рассказывали нам о встречах с этими силами, оставив множество разрозненных свидетельств.

Неужели кто-то действительно думает, что мы здесь только для того, чтобы заработать побольше денег и умереть?

Или наша цель – плодиться, сохраняя преемственность вида? О чем тогда вообще беспокоиться? Можно просто «проиграть и покончить с проигрышами», как писал Сэмюэл Беккет. Что одухотворяет материю при рождении, что течет через нее, пронизывает наши чувства, наши соматические и энергетические системы, а затем со смертью уходит? Что заставляет представителей нашего вида проживать жизнь символически? Похожа ли она на праздник или на концлагерь? О чем жизнь нас спрашивает и как мы держим ответ? Есть ли в конце концов в жизни смысл и если да, то в чем он заключается? В детстве все мы задавали, буквально переживали эти вопросы, и лишь потом барабанный бой повседневной жизни с его вечно повторяющимися проблемами заглушил их. Но наши решения и формальные ответы на вопросы отражают наши ценности, осознаем мы это или нет. Таким образом, повышенная осознанность – это и призвание, и обязанность. Мой сон был призывом, а эта книга – исполнение обязательства.

И вот я начинаю новую книгу. И написать ее решил не тот же «Я», который сейчас обращается к читателю. Но это и не «Я» эго-сознания, но некое «Я», призванное на службу и неуверенно выходящее на дорогу, которая ведет на юг, в неизведанные земли бессознательного. За долго до меня другие сыны Иллинойса отправлялись в земли с чарующими и интригующими названиями – Чикамауга, Шило, Манассас, Чикаomini, Спотсильвания, Антиетам – переливаю-

щиеся камни на ткани страдания. Их тоже, несомненно, одолевали страх и усталость, но они продолжали идти, и мы благодарны им за это. Кто знает, какие чарующие земли предстоит открыть людям нашего времени, ведомым глубинными необъяснимыми силами? Прошлое не умерло, прошлое – это даже не совсем прошлое. А все, что мы гоним, обязательно вернется к нам *навязчивым призраком*.

Глава 1. Навязчивость нерассказанных историй

*Всегда один преследует другого, идущего
за третьим по пятам.*

*Ты знаешь, как зовут меня,
Хотя визитку и не получал,
Ведь я живу внутри тебя...*

Карли Саймон

Наше обыденное сознание воспринимает человека исключительно как тело, подчиняющееся законам гравитации, прикованное болью и смертностью к нашей отягощенной земле. Однако мы представляем собой сложную систему, мы состоим из энергии, проекций, программ, силовых полей и беспрестанных проигрываний неясных сценариев, сознательных и бессознательных. Что одухотворяет это средоточие материи, дающееся нам при рождении? Что вдыхает дух в легкие кричащего младенца? Этот дух (*дыхание, одухотворение, вдохновение*) есть энергия, силовое поле, часть вечности, вселяющейся в бренное тело, которое безжалостно приговорено бродить по земле. Но даже в качестве отягощенных тел, увядающих и гибнущих, мы остаемся силовыми полями энергии, которые танцуют на могильной плите истории, вос-

пламенные огнем вечности.

Рассказывая «историю», я всегда чувствую некий формирующий ее дух, информативную интенциональность. Можно назвать это нарративом, сюжетной линией или, наконец, биографией с одним и тем же финалом, но беспрельдно варьирующимися деталями. Как говорил Хемингуэй, если ваш герой в конце не погиб, то историю вы недорассказали. Но нет ли, помимо этой, какой-то другой истории? Возможно, есть. Возможно, нет.

Если бы мы были способны материализовать незримую психическую жизнь, сделать ее видимой и осязаемой, то она смогла бы, кто знает, предстать перед нами в виде скоплений и переплетений потоков энергии. Мы могли бы более «психологично» смотреть на вещи, если бы большинство существительных заменили глаголами. Прошу прощения за намеренно корявую манеру выражаться, но наша Самость – это «самостоящий» через нас источник энергии, а наши истории через нас «исторят». Наше Эго во имя понимания и контроля превращает стихийные жизненные процессы в имена существительные. А мы, глупцы, даже «богов» обратили в существительные, в объекты «там наверху», которые смотрят на нас сверху вниз. А ведь эти «боги» – метафоры автономных непостижимых энергий вселенной. Эго постоянно развивает свое понимание бытия, упрощает, конкретизирует, его цели – стабильность, предсказуемость и контроль. Все это происходит на фоне преобразования автономной приро-

ды «прирождения». Каждую секунду Эго пытается что-то зафиксировать, захватить, взять под свой контроль, а в тот же самый момент клетки отмирают, рождаются снова и трансформируются, а психологические матрицы пытаются выполнять свои сложнейшие функции. И мы просто не можем не спросить: что способно гарантировать единство всей этой неоднородности? как можно ответить на вопрос Гёте «Was Dauert im Wechseln?» (как постоянство рождается посреди перемен?) что пребывает вечно за завесой мимолетности?

Богословы утверждают, что таким вездесущим бытием является Бог. Вот какие строки написал в XIX веке поэт-иезуит Джерард Мэнли Хопкинс, воспевая изобилие, разнообразие и многогранность нашего мира:

Все, что разнится, друг на друга не похоже —
Огонь, вода, соль, сахар, холод, жар —
Как на затейливой узорчатой резьбе,
Всего создатель ты – предвечный Боже:
Хвала тебе⁸.

Буддисты считают постоянство иллюзией. Все преходящее, все есть поток, переход, и, конечно же, это относится и к постоянно меняющимся состояниям нашего Эго. Повседневное Эго идентифицирует себя с памятью, намерением, а также с теми сложными структурами, которые мы созда-

---

⁸ Hopkins G. M. Pied Beauty // Richard Ellmann and Robert O'Clair (ed.). *Modern Poems: An Introduction to Poetry*. New York: W. W. Norton, 1976. P. 23.

ем и которые потом нас определяют. Глубинный психолог сказал бы, что это постоянство и эту непрерывность (в моменты, когда память нас подводит, или вмешивается влияние травмы) обеспечивает Самость, трансцендентная по отношению к Эго. Так, все мы дышим, хотя напрямую и не отдаем легким приказ вдыхать и выдыхать, и не стучим в барабаны алых камер нашего сердца, не двигаем кислород по капиллярам, не усваиваем сахар и белки, удовлетворяя аппетит крови и костей. Всем этим может управлять лишь нечто трансцендентное по отношению к Эго. Но что это за внешний и одновременно внутренний принцип, обеспечивающий четкую и бесперебойную работу всех наших механизмов?

И какой высший разум вышивает узор нашей личной биографии? Какие призрачные сущности незримого мира вдыхают жизнь и энергию в бесчисленные нарративы повседневной жизни? Вневременные саги разворачиваются в жизни каждого из нас: генетическая история, которая знает больше, чем память; архетипическая история, которая формирует нас, позволяя обретать смысл; социальная история, включающая половые, расовые и классовые различия (которым мы по неразумению своему придаем онтологический статус). А потом приходит очередь комплексов, этих осколков и обломков историй, личностей, сценариев и мифологем.

У всех у нас есть эти комплексы, ведь у всех у нас есть личная история, которая заряжает психическую жизнь кластерами энергетической валентности. Некоторые комплек-

сы выполняют в нашей жизни доброкачественную защитную функцию. Без положительного переживания опыта связи и доверия мы бы не смогли развивать чувство привязанности, устанавливать отношения. В то же самое время другие комплексы связаны с травмами, незрелостью и отжившими предрассудками. Воспроизведение этих фрагментарных историй неизбежно узурпирует пространство настоящего, а также заставляет повторять модели прошлого. Некоторые комплексы не отпускают нас в течение всей жизни.

Рассмотрим, к примеру, печальную историю Франца Кафки. Один из величайших писателей в мировой культуре был обречен на несчастную жизнь в Праге с родителями. Он презирал себя, постоянно портил собственные отношения с женщинами, страдал от многочисленных психосоматических недугов. Как так получилось? Его деспотичный отец, не знавший счастья в жизни, убедил сына в том, что и ему уготована такая же судьба, тем самым предопределив жизненный путь Франца. Единственным лучом света в этом духовно нездоровом царстве стала для него художественная сублимация страданий, его проницательный самоанализ, обретший выражение в странных, парадоксальных притчах. Однако он завещал своему другу Максу Броду уничтожить после смерти все рукописи (к счастью, исполнитель последней воли предпочел этого не делать). Дважды Кафка был помолвлен с Фелицией Бауэр, но каждый раз в последний момент отменял свадьбу. Такой уровень отношений казался

ему слишком навязчивым, он предпочитал оставаться далеким, незримым. «Писание писем, – признался он однажды, – это беседа с призраками, не только с призраком адресата, но и со своим собственным, тем самым, что проступает через только что написанные строки... И если послать в письме поцелуй, то он не дойдет до адресата именно потому, что эти призраки выпьют его»⁹. Очевидно, что отношения между Кафкой и фройляйн Бауэр были опосредованы подобными призрачными сущностями, которые постоянно перехватывали посланные друг другу в письмах поцелуи. Здесь можно вспомнить слова Каммингса: тот, кто слишком заботиться о порядке вещей, никогда не сможет тебя поцеловать.

Один из знакомых Кафки как-то заметил, что тот служил Богу, в которого никогда не верил. Не служим ли все мы подобным загостившимся божествам? Не находимся ли мы в услужении у призрачных явлений, первобытных комплексов, мимолетных навязчивостей, приковывающих нас к прошлому? Не воскуриваем ли мы ежедневный фимиам в храмах мертвых, и не лишают ли нас эти бессознательные пути возможности прожить более полную и целостную жизнь?

Что бы мы сделали, если бы вдруг освободились от оков прошлого? Только сегодня я разговаривал с пациенткой – слезы и бессонница были ее ответом на необходимость переступить через себя и нарушить данное другому человеку

---

⁹ *Kafka Franz. Letters to Milena / Ttrans. Philip Boehm. New York: Schocken Books, 1990.*

слово. А дело в том, что не сама ситуация была причиной ее реакции, но четкие воспоминания детства, когда дурное мнение другого казалось чем-то не просто ужасным, но даже смертельным. Не удивительно, что она лишилась сна. Другая моя пациентка, психотерапевт в супервизии, казнила себя за гнев по отношению к умирающему родителю. Этот гнев вызывал в ней чувства вины и неопределенности, которые прокрадывались и в ее работу с пациентами. Пробыв долгое время в зараженной зоне, человек начинает носить заразу внутри себя. Единственный выход – вытащить ее в сферу сознания и вступить с ней в борьбу. В случае с моей пациенткой-коллегой можно говорить о необходимости развития сострадания, но без инфантильной потребности в одобрении. Такое одобрение, увы, так и не было получено, и поэтому навязчивый призрак потребности в нем приобрел огромную силу. И можно сказать, что эта женщина тоже поклоняется богу, в которого не верит.

Что касается Кафки, его деструктивное смятение было порождено нерассказанными историями и нездоровыми личными проблемами его отца. Каким образом непрожитая жизнь, сила самопрезрения отца стала призрачной навязчивостью в жизни сына и поглотила ее? Как можно было бы избежать этого, помочь ребенку спастись от этих миазмов психической жизни и начать нормальную жизнь? Но суждена ли была Францу Кафке нормальная жизнь, ему, рожденному в доме с привидениями, где господствовал его отец, которо-

го мучили его собственные призраки, заставляющие его мучить собственного сына? Именно поэтому Юнг однажды заметил, что тяжелейшее бремя ребенка – непрожитая жизнь родителей. И там, где застрял родитель, суждено застрять и ребенку, который потратит всю жизнь, вырываясь из этого пагубного болота, разрабатывая план спасения от психических ужасов застывшего прошлого¹⁰.

Так какова же «реальная» история нашей жизни? Или все они реальны, или нереальны, лишь приходят и уходят? Одни истории мы рассказываем самим себе, другие оставляем для других. И некоторые из них даже бывают правдивыми. Но есть истории, вплетенные в нашу повседневную жизнь настолько, что мы зачастую или вообще никогда их не осознаем. Какие истории состоят из наших рационализаций, защитных механизмов, в какие из них мы вляпываемся, как мухи в липкую ленту?

Каждый из нас грешит заблуждением сверхобобщения, и то, что «истинно», что «на самом деле», становится точкой отсчета, сценарием наших действий в каждой новой ситуации. Почему и каким образом старые раны и прошлые обиды проявляются в настоящем в форме преломления глубин-

---

¹⁰ В задачи этой книги не входит рассмотрение генетики как одной из призрачных навязчивостей, однако можно спросить, например: были ли повторяющиеся, саморазрушительные жертвы Юджина О'Нила опосредованы семейной историей, образованием или генами, были ли самоубийства в клане Хемингуэев и самоубийство Николаса Хьюза, сына Сильвии Плат, примерами сознательного выбора или предопределения, или того и другого одновременно?

ных внутренних истин или сверхкомпенсации, или взгляда свысока на чуждые нам сценарии? Как в детстве те или иные истории становятся «нашими», какие команды мы получаем для прохождения службы в оставшихся главах нашей истории? Кому было суждено быть невидимым ребенком, посредником, козлом отпущения, изгоем? Как эти истории продолжают жить в настоящем?

Глубинная психология позволила нам узнать о существовании специальных «устройств», которые защищают нас от ненужных историй – это механизмы отрицания и идентификации. Иногда мы проецируем фрактальные сценарии, палимпсесты потенциальных возможностей, на других и потом смотрим на них только с этого ракурса, отказывая в активном участии в нашей внутренней драме. Так мы неосознанно ищем тех, кто снова и снова принимал бы на себя роль наших гонителей, спасителей, жертв. Какие-то истории мы подавляем, и они прорастают многим позже – в наших снах, наших телах, наших детях, наших обезболивающих привычках. Порой другие начинают проигрывать сцены нашей тайной жизни, воплощать нашу тень, и тогда мы отмежевываемся от них, выносим им приговор, ведь собственная тень всегда отталкивает. Человеческая психика необъятна, и нам никогда не познать ее целиком, разве что совсем малую часть. И вот мы, гордые своим сознанием, проживаем жизнь, находясь на службе у историй. Одни из них нами осознаны, но искажены интерпретациями, другие неосознаваемы и неизбежны.

ны, но все они привязывают нас к прошлому, над которым мы не властны. Учитывая повсеместность этих безмолвных созидательных нарративов, хочется спросить: каковы наши шансы в борьбе за свое сознание против всех тех сил, что диктуют нам правила жизни?

* * *

А сейчас пришло время поведать две нерассказанные истории, каждая из которых смогла глубоко проникнуть в повседневную жизнь своих героев. Первая – семейная история моего хорошего друга Стивена Данна, поэта, лауреата Пулитцеровской премии. Другая взята из романа Бернхарда Шлинка «Чтец».

История Стивена не раз находила отражение в его стихах, к тому же он лично дал мне разрешение привести ее здесь, поэтому я законно раскрываю вам его личную тайну. (Хотя я уверен, что в детстве эта история была одним из самых страшных секретов Стивена.) Как-то раз он сказал мне, что в определенный момент начал замечать холодность в отношениях между отцом и матерью. Причина была ему неизвестна. Его отец частенько допоздна засиживался в кресле-качалке за книгой и стаканом виски, а наутро Стивен находил его в компании недопитой бутылки и недочитанной книги.

Как-то Стивену пришлось идти в близлежащий паб, чтобы привести отца к ужину. Стивен преклонялся перед от-

цом, тот однажды взял его посмотреть на то, как сильный ураган вздымал прибрежные воды. Мать отругала их обоих, лишив своей оградительной, «правильной» любви. А ребенок сидел между папой и мамой в эпицентре привычного ненастья. Он знал, что каждый вечер за ужином буйствовали более темные и разрушительные волны. Учитывая известные ограничения детского кругозора и способности к пониманию, маленький Стивен, полагаясь только на интуицию, мог сказать лишь «Я подумал тогда / Что-то сломалось»¹¹. Ребенок пытается нормализовать ненормальное. В то время как психика, фиксируя сейсмографические данные, уже «знает», сам ребенок пока не обладает способностью прояснить, изменить, разрешить что-то во внешнем мире.

Что же сломалось? Откуда эта отчужденность? В чем ее истоки? Ответы были потеряны надолго, очень надолго. Стивен потом писал мне в одном из электронных писем: «Всю правду я узнал от отца, когда мне было уже шестнадцать. Он был пьян, но было ясно, что говорит он правду. Он просил меня держать его признание в тайне». Стивен узнал, что однажды мама полезла за семейными сбережениями и не нашла их. Отцу же пришлось соврать, чтобы скрыть правду.

Деньги он отдал моему дедушке по материнской линии, так как женщина, с которой тот тогда жил, попала в больницу. Дедушка тратил много денег на

---

¹¹ *Dunn Stephen. Regardless // Landscape at the End of the Century. New York: W. W. Norton, 1992. P. 33–34.*

лечение и попросил отца помочь. Дедушка, конечно же, не имел возможности вернуть деньги, а однажды мать обнаружила, что все семейные сбережения куда-то пропали. Отец сказал, что потратил их на скачках, так как он знал, что маме будет неприятно узнать о новой женщине в жизни ее отца. Вскоре дедушка умер, а отец так ничего и не рассказал, а мать до конца жизни попрекала его мнимой растратой. В пятьдесят девять лет он умер от сердечного приступа. Это был второй приступ, после первого врачи запретили ему пить, но он лишь удвоил «дозу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.